

УДК 316.614

А. А. ГУСЕЙНОВ,
АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (МОСКВА)

ПОЧЕМУ НЕ ЛЮБЯТ ФИЛОСОФИЮ И ФИЛОСОФОВ?¹

Предпринимается попытка объединить нелюбящих философию в конкретные группы: а) обыватели; б) представители власти; в) специалисты.

Рассматривая нелюбовь к философии и философам как следствие и выражение конфликта между обществом, с одной стороны, и философией и философами, с другой, автор предлагает две стратегии ответа на данную ситуацию со стороны философии и философов. Первая состоит в адаптации к источникам недружелюбия. Вторая, более адекватная, заключается в том, чтобы принять конфликт между философией и обществом как неизбежность. Показано, что философии и философам, чтобы занять в публичном пространстве определенное место, необходимо: во-первых, иметь свою собственную среду, где люди объединены любовью и интересом к философии; во-вторых, держать открытыми «вход» и «выход» этой среды для всех желающих.

Ключевые слова: философия; философы; общественное восприятие; конфликт; конкретные группы нелюбящих философию; стратегии ответа на ситуацию со стороны философии и философов.

An attempt to divide those who do not love philosophy and philosophers into specific groups (common people; men of power; experts) is made.

Considering dislike for philosophy and philosophers as a consequence and expression of the conflict between society on the one hand, and philosophy and philosophers on the other hand, the author suggests two strategies of response to the situation on the part of philosophy and philosophers. One strategy is to adapt to the sources of unfriendliness. Another more adequate strategy is to take the conflict between philosophy and society as inevitable. So, to get a certain place in the public space philosophy and philosophers should possess two things: first, to have its own environment where people are united by love and interest in philosophy, and second, keep the input and output in this environment open for everyone.

Key words: philosophy; philosophers; public perception; conflict; specific groups of those unloving philosophy; strategy of response to the situation on the part of philosophy and philosophers.

Когда мы говорим о философии в публичном пространстве, ее месте и роли в обществе, то чаще всего речь идет о том, чем философия может быть полезна для других сфер познания и деятельности, где ее можно применить. И мы, специалисты в области философии, как правило, жалуемся, что она слабо востребована, что дела в обществе шли бы намного лучше, если бы в большей мере использовался ее потенциал и люди, в особенности представители власти, больше бы прислушивались к тому, что говорят философы. Всплывает в памяти разговор с бывшим сокурсником, преподававшим философию в торговом институте. На вопрос, как он справляется со своей задачей, тот ответил: «Все ничего, одно угнетает: студенты, будущие товароведы, не понимают, а я не могу вбить им в голову, насколько важна философия в их будущей профессии».

Предлагаем взглянуть на философию, ее место и роль в обществе, отталкиваясь не от философии и философов, а от общества. В том, что мы, люди, вовлеченные в философию, высоко ценим ее и считаем важной для разумного жизнеустройства

¹ Доклад на заседании теоретического семинара Института философии РАН «Философия в публичном пространстве» (10.03.2015 г.).

и в индивидуальном, и в социальном плане, это вполне естественно, хотя бы в силу того, что каждый кулик свое болото хвалит. А как общество в целом и в различных его сегментах воспринимает философию и философов? Как оно относится к ним? Как, говоря образно, философия выглядит в зеркале общественного сознания?

1. Если говорить предельно обобщенно и обозначить основную доминанту общественного восприятия философии и философов, то можно сказать: *их не любят*. Отсюда и название данного материала. Кстати, когда была объявлена тема доклада, многие (и коллеги по цеху, и знакомые из нефилософских кругов) обнаружили живой интерес и откликнулись репликами, из которых явствовало, что саму констатацию того, что философию и философов не любят, они принимают как нечто самоочевидное. Конечно, можно найти примеры какого-то иного отношения к философии и философам – восторженного, благосклонного, ироничного, враждебного и т. п. Но все-таки преобладающая в общественном сознании тенденция состоит в том, что философов не любят.

Хотим пригласить в союзники по этому вопросу Н. А. Бердяева. В работе «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» в разделе «Трагедия философа и задачи философии» он пишет: «Поистине трагично положение философа. Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищенная сторона культуры. Постоянно подвергается сомнению самая возможность философии, и каждый философ принужден начинать свое дело с защиты философии и оправдания ее возможности и плодотворности. Философия подвергается нападению сверху и снизу, ей враждебна религия и ей враждебна наука <...> Философию и философов не любят люди религии, теологи, иерархи церкви и простые верующие, не любят ученые и преподаватели разных специальностей, не любят политики и социальные деятели, люди государственной власти, консерваторы и революционеры, не любят инженеры и техники, не любят артисты, не любят простые люди, обыватели. Казалось бы, философы люди самые безвластные, они не играют никакой роли в жизни государственной и хозяйственной. Но люди, уже власть имеющие или к власти стремящиеся <...> чего-то не могут простить философам». Н. А. Бердяев явно не был обделен общественным вниманием, во всяком случае, имел меньше поводов жаловаться на равнодушие и враждебность публики, чем его коллеги по цеху (философа даже упрекают в том, что он был более популярным, чем глубоким и систематичным).

2. Кто же не любит философию и за что? Предлагаем свести нелюбящих эту науку в определенные группы, объединив в контексте типовых случаев, и обратиться к примерам в истории культуры, которые приобрели парадигмальный, символический характер и в этом качестве зафиксированы, осознаны в рамках самой философии. Речь идет о ситуациях конфликта, неприятия философии и философов, которые получили широкую известность, стали своего рода общим местом. Плюс к тому они настолько убедительны, что признаются самой философией и самими философами и, как следствие, приобретают дополнительный доказательный вес, подобно тому, как более убедительными становятся те обвинения, которые признаются самим обвиняемым. Предполагаем, в философии и для философии важны факты не столько новые и экзотические, сколько всем известные, несомненные в своей значимости, выражающие и символизирующие некую тенденцию и получающие многочисленные и разнообразные подтверждения.

Можно выделить три группы людей, которые не любят философов: а) обыватели, простые люди, живущие своими житейскими заботами; б) люди власти, которые представляют общество, говорят и действуют от его имени; в) представители других – нефилософских – сфер интеллектуального труда, те, кого можно назвать специалистами. У каждой из этих групп существуют свои основания не любить философов, быть по отношению к ним настороженными или даже враждебными.

3. Обыватели, погруженные в свою повседневность, не любят философов по той причине, что те занимаются якобы бесполезным делом, пустыми, зряшными вопросами, которые нигде нельзя применить. Поэтому, с их точки зрения, философов нельзя считать серьезными людьми, они заслуживают лишь насмешки. Этот тип

отношения как нельзя лучше представлен в эпизоде с Фалесом Милетским, родоначальником европейской философии и науки, о котором мы узнаем из платоновского диалога «Теэтет». Однажды Фалес смотрел вверх, изучая небо, споткнулся и упал в колодец. Присутствовавшая при этом молодая бойкая служанка засмеялась и сказала, что Фалес смотрит на небо, но не видит того, что под ногами.

Комментируя эту ситуацию, Платон отмечает, что насмешки сопровождают философов всю жизнь и что они на самом деле заслуживают такой насмешки. Ведь философы уходят в свои абстракции настолько, что забывают, кто они, не могут ответить на вопрос, являются ли они сами в действительности людьми или кем-то еще, постоянно попадают в разного рода нелепые ситуации. Их называют не только смешными, но и придурковатыми, что отчасти, по Платону, оправданно.

Эпизод с Фалесом имел продолжение, о котором подробно рассказывает Аристотель в трактате «Политика». Желая доказать, что астрономия, которой он занимается, не так уж бесполезна, Фалес провел успешную деловую операцию. Предвидя богатый урожай оливок, он заранее по привычной для несезонного времени низкой цене взял в аренду маслобойни в большом количестве. Затем, когда наступила пора урожая, который на самом деле оказался богатым, и нужда в маслобойнях необычайно возросла, перепродал их по значительно более высокой цене. Фалес получил прибыль и доказал тем самым, что философы могут легко разбогатеть, быть людьми деловыми, оборотистыми, не хуже других. И если они предпочитают небесные дела земным, то не потому, что не могут заниматься полезными делами, а потому, что считают их не такими уж полезными. Философы своим существованием ставят под сомнение, дискредитируют, во всяком случае, выявляют ограниченность повседневного обывательского существования. В действительности философы привнесли в культуру другое понимание полезного и бесполезного, чем то, которое господствует в человеческой повседневности. С их точки зрения, люди не просто погружены в повседневные житейские заботы – они погрязли в них. В философской оптике нелепым и пустяшным считается, когда люди гордятся своими сокровищами, знатным родом и подобными удачами, ибо, как говорит Платон, рассуждая о конфликте между философом и обывателями, люди по причине своей необразованности не могут охватить все страны и все времена и сообразить, что у каждого были несметные тысячи дедов и прадедов, среди которых могли быть богачи и нищие, цари и рабы, варвары и эллины («Теэтет»). И если обыватели, мещане, всякого рода деловой люд всего лишь насмеются над философами, то потому, что у них нет возможности, как, впрочем, и нужды более эффективно выразить свое неприятие и раздражение их существованием.

4. Власти, вообще любые власти, но прежде всего политические, которые выражают волю общества (социума), олицетворяют его интересы и благо, также не любят философию. Но уже по другой причине: они считают ее опасной, разрушительной для внутреннего спокойствия и устойчивости общества. Соответственно, опасной для них является и деятельность философов, особенно в той части, в которой она имеет своим предметом вопросы справедливого и достойного жизнеустройства. Символической в этом отношении предстает судьба Сократа. Она является как бы дважды символической: ведь ученый сам – символ философии. В отличие от других мыслителей, которые внесли вклад в развитие философии, Сократ стал центральной фигурой европейской философии благодаря тому, что воплощал в себе, олицетворял философию как таковую. И его смерть приобрела символическое значение в силу того, что он был казнен в качестве человека, символизирующего философию.

Философия, как, впрочем, и все формы культуры, возникает в рамках стремления человека сделать свою жизнь лучше, усовершенствовать ее. Человек есть существо незавершенное, промежуточное, срединное. Быть может, самый удачный наглядный образ, описывающий место человека в космосе, – это преобладающий и многократно варьировавшийся взгляд на него как на среднее звено между животным миром и божественным состоянием. Человек находится в пути, который ведет его вверх. При этом он сам прокладывает себе путь, участвует в формировании и развитии своих возможностей. Такое понимание человека лежит в основе культуры, в том числе философии. Последняя отличается от других форм культуры: ее

специфика состоит в том, что стремление человека к совершенству она связывает с его разумом, способностью мыслить. Философствовать – значит мыслить. Сократ представил такое понимание в программе собственной жизни и видел свою миссию в том, чтобы испытать себя и других перед беспристрастным судом разума. А. Ф. Лосев, который необычайно высоко ценил Сократа за рационализм и в то же время основательно критиковал его гипертрофию рационализма, полагая, что он унизил истину требованием доказательств, говорил: «Сократ раз навсегда решил, что надо быть разумным. И он разумен, разумен до конца. До ужаса разумен».

Конечно, сложно, если вообще возможно, сказать, что значит быть разумным, что такое мышление в особенности, в соотнесенности и в отличие от познания. В отличие от познания, которое есть взгляд человека во вне, мышление, как выразился Платон, это разговор души, который она ведет сама с собой. Сократ всей своей интеллектуальной деятельностью, самой своей жизнью раскрыл по крайней мере две фундаментальные особенности мышления. Первая заключается в том, что это нескончаемый разговор. Способность и потребность мыслить обнаруживается в том, что человек постоянно задает вопросы и, не удовлетворяясь ответами, вновь спрашивает – и так до бесконечности. Мышление, на которое делает ставку философия, обнаруживает себя как неутомимое беспокойство ума. И сама философия имеет своим предметом то, что предполагает и требует все новых и новых вопросов, что не может получить окончательного решения. Сократ, как пишет Аристотель, всегда ставил вопросы, но не давал ответов. Он, собственно, и ставил такие вопросы, на которые ни он, ни другие не могли ответить. Отсюда его парадоксальное суждение: «Я знаю, что ничего не знаю». Что-то, конечно, Сократ знал. Но его интересовало не то знание, которое, например, о том, что находится на земле и под землей. Не познание природы, а познание мудрости и стремление найти ее в самом себе в соответствии с пророчеством Аполлона, согласно которому он является самым мудрым из афинян, – вот что было предметом его ума. Он понимал, что, пытаясь мыслью понять то, что его, как и всех людей, более всего волнует и что он, как и все люди, более всего ценит, а именно: справедливость, благо и другие ценности, которых только мыслью и можно постичь, он уходит в бесконечность. Он честно признавался в этом и продолжал поиски. С этим связана вторая фундаментальная особенность мышления. Уходя в мышление, человек уходит в самого себя как в другой мир, что выражается в том, что он как бы теряет чувствительность, выпадает из мира. Если познание объективирует мир, то мышление принципиально субъективно, субъектно. Мышление признает только единственный суд – собственной совести. Оно всегда сопряжено с внутренним убеждением и содержит то, что стремится стать таким убеждением и что не может существовать ни в какой иной форме. Осознание этой истины, а тем самым и высочайшей ценности духа внутреннего убеждения, также связано с именем Сократа, который учил каждого заботиться о самом себе раньше, чем о делах. Про себя он говорил: «Я не способен повиниться ничему из всего, что во мне есть, кроме того убеждения, которое после тщательной проверки представляется мне наилучшим».

Та логика человеческого поведения, та нацеленность жизни, которую продемонстрировал Сократ и которая выражалась в его неуемном вопрошании и ориентированности на моральный, или индивидуально-ответственный, способ существования, противоречили логике власти, тому, что власти хотят и ждут от граждан. Ведь власть – это принятие решения за другого, и ее основная задача – подчинить себе того, на кого она направлена, в случае политики – умиротворить общество, привести его в устойчивое состояние на той основе, которую она задает своими решениями. Конфликт афинского общества и философа был неизбежен, и он разразился. Сократ, который надоедал согражданам своими вопросами, имевшими характер упреков в том, что они ведут неправильный и несправедливый образ жизни, который жалит их словно овод, жальщий обленившегося коня, стал для афинян живым укором, и они решили избавиться от философа. Трое граждан Афин выдвинули против Сократа обвинение в том, что он не чтит городских богов, а вводит свое собственное божество, портит молодежь, призывая руководствоваться собственным разумом вместо того, чтобы слушаться родителей и следовать обычаям. По обоим пунктам суд в составе более 500 граждан признал его виновным. На данном

основании, а также учитывая то, что Сократ отказался признать себя виновным и достойным наказания, а тем самым признать власть народа над своими убеждениями, он был приговорен к смерти и казнен.

Смерть Сократа не была судебной ошибкой или случайностью. Это было обдуманное решение социума, которое отвергло философа потому, что он философ и в этом качестве угрожает стабильности общества, враждебен ему. Философ опасен, так как для него плох любой устоявшийся порядок и обычай, он опасен в силу принципиальной критической настроенности, в силу того, что постоянно задает вопросы, а собственные убеждения, суд совести ставит выше всех внешних решений и предписаний. На смерть Сократа было много откликов в истории культуры, в том числе в философии. Пожалуй, самый глубокий из них – отклик Г. В. Ф. Гегеля. Мыслитель считал, что прав был не только Сократ, но и афинский народ, казнивший его. То есть обвинение было обоснованным и казнь – неизбежной. Неизбежным, оправданным и законным было столкновение народа, стоящего на страже своего нравственного порядка, и философа, стоящего на страже самосознания мыслящего человека. Это было столкновение двух принципов, трагедия в самом высоком и подлинном смысле слова.

Следует обратить внимание на следующую деталь. В случае с Фалесом Платон от имени философии признал оправданность насмешки над ним. Он признал, что философы достойны насмешки и тем самым признал право людей с улицы насмехаться над философами – право не в том смысле, что они правы, насмехаясь над ним, а в том, что они не могут не насмеяться, будучи теми, кто они суть. В случае с Сократом Г. В. Ф. Гегель от имени философии признал справедливость казни в том смысле, что, действуя согласно своей логике и своих интересов, город не мог не казнить философа. Тем самым он признал неизбежность конфликта социума и философа.

5. Третья общественная группа, которая не любит философию и философов, – это специалисты, представители точных областей знания и деятельности. Они не любят философов за навязываемый ими догматизм, самоуверенную нестрогость суждений о конкретных предметах. Один коллега, представляющий социологию культуры, откликаясь на обсуждаемую нами тему, сказал: «А я тоже не люблю философов». На мой вопрос: «За что?» он ответил: «За то, что они все знают и всех учат». Относительно этих упреков никак нельзя сказать, что они надуманы. Ведь как бы ни различались определения философии, в подавляющем большинстве случаев ее предмет сопрягается с предельными понятиями, целостным видением мира, поэтому философский взгляд на мир неизбежно оказывается связанным со всеми областями знания и деятельности и часто бывает трудно, быть может, даже невозможно выразить его, не обращаясь к ним.

В философских сочинениях, особенно в систематических трудах классической эпохи, много суждений о вещах, до которых, по сути, философам нет никакого дела. Одни рассуждают о том, как смешивать вино с водой, другие пытаются разъяснить тайну отношений между полами и т. п. Да и в сочинениях современных авторов, которые в этом плане более осторожны, немало примеров выхода за рамки собственно философской компетенции (в философских сочинениях наших дней немало рассуждений об абортах, однополых браках, нейронных процессах мозга и многих других вопросах, которые, разумеется, не могут не волновать философов как людей, но о которых они не могут сказать ничего серьезного в качестве философов). Однако это лишь неизбежное следствие. Суть состоит в том, что философия есть умозрение, умозрительная наука, имеющая дело с конечными целями, в этом качестве она не может не касаться опытных наук, которые нацелены на объективный анализ, и не вступать с ними в противоречие. Как писал И. Кант, предвзяв свои знаменитые четыре вопроса, касающиеся предмета философии, последнюю в высоком понимании можно назвать «наукой о высшей максиме применения нашего разума», «наукой об отношении всякого знания и всякого применения разума к конечной цели человеческого разума, которой как высшей подчинены все другие цели и в которой они должны образовать единство» (Кант И. Трактаты и письма. М., 1980). По-видимому, в силу того, что философия имеет дело с предельными абстракциями конечных целей разума, она не может избежать ситуаций, чтобы в какой-то

степени рассуждать и судить о сторонних, не относящихся к ней самой частных вопросах, обрекая себя в лучшем случае на дилетантизм.

Совершенно очевидно, что представители точных, строгих областей знания и деятельности, чтобы оградить точность и строгость своих утверждений, должны уберечь себя от приходящих, привносимых извне положений, уберечь себя от философии. Их недружелюбие по отношению к философии и философам выразилось в стремление отгородиться от них. Типичным выражением такой установки, которая приобрела символическое значение, стало известное, приписываемое И. Ньютону выражение: «Физика боится метафизики». Смысл и направленность этого лозунга проясняется в сопоставлении с другим известным крылатым ньютоновским выражением: «Гипотез не сочиняю».

Не углубляясь в сложный, многоаспектный и противоречивый процесс взаимоотношений философии и науки в Новое и Новейшее время, где также можно найти проявление интереса ученых к философским идеям и примеры их плодотворного сотрудничества с философами, следует сказать, что одна из несомненных и преобладающих тенденций состоит именно в сознательно культивируемой представителями точных наук изоляции от философии. Тому можно найти массу очевидных свидетельств. Прежде всего, можно указать на положение философии в университете, где она сегодня не считается привилегированной дисциплиной (царицей наук), а является одной из многих, и то лишь в тех случаях, если она вообще присутствует в учебной программе. Также несомненным свидетельством является широко распространенное среди естествоиспытателей, особенно среди физиков, скептическое отношение к философии, к ее полезности для познавательного процесса (в этом контексте весьма показательны нелестные суждения о философии как пустом занятии из уст лауреата Нобелевской премии по физике Ж. И. Алфёрова).

Однако, пожалуй, самым весомым аргументом в пользу обоснованности такой позиции является то, что она признана в качестве таковой, принята и санкционирована в рамках самой философии. Здесь имеются в виду разного рода суждения о конце философии, в первую очередь известное положение О. Конта о том, что наука – сама себе философия (положение, которое имело огромные последствия для философии, науки и их взаимоотношений). Оказалось, отрицание философии также является философским делом. Из этого выросло целое философское направление, что само по себе хоть и является парадоксом, но подтверждает жизнеспособность основной идеи О. Конта.

6. Конфликт между обществом, с одной стороны, и философией и философами, с другой, имеет свои вполне достаточные основания, является неизбежным. Точно так же обоснованным и неизбежным в качестве следствия и выражения этого конфликта является нелюбовь к философии и философам. Каким может и должен быть ответ на эту ситуацию со стороны философии и философов? Можно воспользоваться стратегией, которая состоит в том, чтобы адаптироваться к источникам недружелюбия, отказаться или, по крайней мере, смягчить те особенности философии и философской деятельности, которые вызывают негативное отношение к ним. В частности, угождая обывателям, следует быть более понятными, говорить на доступном языке. Угождая властям, необходимо участвовать в их идеологических играх и поддерживать их, быть более апологетичными, чем критичными. Угождая людям науки, следует заимствовать научные методы и критерии, стараясь быть точными и строгими, как они, пойти в услужение науке подобно тому, как когда-то пошли в услужение теологии. Речь идет о том, чтобы видоизмениться и тем самым угодить критикам философии и философов, капитулировать перед ними. По сути, это путь, на который философия и философы постоянно сбиваются: он в действительности является формой их деградации. На нем философия и философы становятся скорее жалкими, чем желанными. Дело в том, что здесь есть один очень важный момент, на который обратил внимание Н. А. Бердяев: «По отношению к философу существует *ressentiment*. Даже университет приютил философа под тем условием, чтобы он поменьше обнаруживал свою философию...» Рессентиментная ревность по отношению к философии обнаруживается со стороны науки и теологии, у которых есть зоны пересечения с ней. Обыватели, представители власти также обнаруживают нечто подобное. Те, кто не любит философию и в особенности кто явно

обнаруживает, подчеркивает эту нелюбовь, тайно тянутся к ней, а сама нелюбовь выступает как род зависти. Обратимся опять к Н. А. Бердяеву. Он пишет: «Философия чужда большей части людей, и вместе с тем каждый человек, не сознавая этого, в каком-то смысле философ <...> Каждый человек, хотя бы он этого не сознавал, решает вопросы “метафизического” порядка <...> И существует обывательская философия тех или иных социальных групп, классов, профессий, как существует обывательская политика. Человек, испытывающий отвращение к философии и презирающий философов, обыкновенно имеет свою домашнюю философию. Ее имеет государственный деятель, революционер, специалист-ученый, инженер-техник. Они именно потому и считают ненужной философию». Стремясь угодить публике, пойти ей навстречу, философы опускают философию до ее уровня и на самом деле подменяют философию ее домашним мещанским эрзацем. Они таким образом обретают некую защищенность, но теряют ту свободу мысли, которая делает их философами, и в той или иной степени изменяют философскому делу.

На наш взгляд, более адекватной существу дела является другая стратегия, которая состоит в том, чтобы не стараться смягчить конфликт между философией и обществом, а принять его как неизбежность, как факт, подобно тому, как мы принимаем, например, некомфортную погоду, и само наличие такого конфликта рассматривать как индикатор того, что философия и философы верны своему назначению.

Философы не должны оправдываться за то, что занимаются философией. Им не перед кем оправдываться. В каком-то смысле философ – сам себе судья. В этом, на самом деле, заключается трагедия философа. У философии нет какого-либо иного общественного института, кроме самого философа. Философия представляет собой род интеллектуального труда, который имеет глубоко личный, персональный смысл. Философы, которые создали великие учения и творчество которых, собственно, только и позволяет нам идентифицировать философию и давать ей оценку, культивировали, нередко и создавали ее как персональное дело. Философ философствует для себя. И теории создает, и книги пишет для себя. И оправдываться он может только перед самим собой. Философия – это не только то, что знают, это и то, что практикуют. Это также определенного рода духовный опыт. И то непонимание, та нелюбовь, которые видят философия и философы со стороны общества, являются лишь негативным подтверждением. В самом деле: обыватели смеются над философами, упрекая их в изучении якобы бесполезных вещей; представители власти преследуют философов, так как те вечно недовольны и своим недовольством оказывают разрушающее воздействие на существующие порядки; специалисты в каких-либо областях отгораживаются от философов, так как те рассуждают слишком общо и нестрого, склонны к произвольным недоказуемым утверждениям. Во всех этих случаях речь идет о реальных, не надуманных особенностях философии, свидетельствующих о том, что философия сопряжена с другим пониманием жизни, задает другой порядок ценностей, нежели тот, который практикуют обыватели, насаждают власти и т. п. Философия рассматривает человеческую жизнь так, как если бы она зависела от возможностей самого мыслящего и действующего индивида, а сами эти возможности были бы неограниченны, т. е. рассматривает ее в перспективе индивидуально-ответственного существования. Именно в этом заключается ценность философии, а прежде всего ее место и роль в обществе – единственные в своем роде, ничем не заменимые.

Из сказанного, казалось бы, можно сделать вывод о том, что философии и философам в позитивном смысле нет места и дела в публичном пространстве. Их место и роль в обществе определяется скорее тем, что их дружно не любят: вызывая нелюбовь, они тем самым проблематизируют, вносят дух сомнения в те сферы деятельности и общественные группы, по отношению к которым выступают вольным или невольным раздражителем. Такое заключение верно в том смысле, что философию нельзя ни на что обменять в рамках практикуемого обществом разделения труда и что философы, как высмеял Лукиан Самосатский в работе «Продажа жизней», на рынке услуг (если их вообще можно продать) котируются не больше, чем стоят их тела или, в лучшем случае, чем нечто нелепое и экзотическое. То есть философия обладает общественной ценностью сама по себе, а не благодаря тому, что ее можно применить в других областях. И измеряется эта

общественная ценность наличием людей, отдающихся философии и интересующихся ею. Философия ценна для философов и для тех, кто интересуется ею, находит в себе некое созвучие ее идеям и пониманию жизни. В аспекте публичной значимости философия и философы, на наш взгляд, сродни поэзии и поэтам. Различие в том, что путь поэзии и поэтов к поэтическим чувствам людей шире и короче, чем путь философии и философов к их философским склонностям.

Для того чтобы занять в публичном пространстве адекватное место и играть определенную роль, философии и философам необходимо: во-первых, иметь свою собственную среду, где люди объединены любовью и интересом к философии; во-вторых, держать открытыми «вход» и «выход» этой среды для всех желающих. Если мы посмотрим на судьбу философии и философов в институциональном аспекте, то увидим, что в разные эпохи, в разных культурах и в разных странах существование и защищенность философии и философов, начиная от античных философских школ и заканчивая университетскими кафедрами и исследовательскими центрами философии в современном обществе, определялись прежде всего этими двумя факторами.

Поступила в редакцию 10.07.2015.

УДК 347.78(075.8)+167.3

Н. Б. МЕЧКОВСКАЯ,

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

КАК ИНТЕРНЕТ И «ВИКИПЕДИЯ» РАЗРУШАЮТ АВТОРСКОЕ ПРАВО И ПОЧЕМУ ОСОБЕННО ТРУДНО ГУМАНИТАРИЯМ

Показано, что авторское право защищает права на интеллектуальную собственность слабее, чем патентное, и что наименее защищенные объекты, охраняемые авторским правом, – это публикации по гуманитарным дисциплинам. В силу многовекового тренда к дифференциации знаний гуманитаристика утрачивает черты профессионального и углубленного знания и, все теснее переплетаясь с искусством и журналистикой, распространяется «вширь». Информационные технологии, кардинально облегчая труд гуманитария, уменьшают стоимость результатов. На рынке информации гуманитарная продукция предстает как группа недостаточно рыночных товаров – слабо востребованных и бедных в стоимостном отношении. Неограниченное, небрежное и фрагментарное копирование превращает массивы авторских текстов в ничейный «полуфабрикат». Интернет уничтожает культуру ссылок на первоисточники. Беззаконно сканируются диссертации. «Википедия» целенаправленно и методично разрушает авторское право, позиционируя себя как собрание вторичных, неоригинальных и анонимных статей, принципиально не охраняемых авторским правом.

Ключевые слова: интернет; «Википедия»; разрушение авторского права; место гуманитаристики на информационном рынке; кризис гуманитарного знания; оскудение современного общего образования; депрофессионализация гуманитаристики.

It is shown that copyright protects the intellectual property rights are weaker than the patent, and that the most vulnerable objects protected by copyright – is publishing in the humanitarian science. The excuses are priority of information users to information makers, humanitarian science' loss of professional and in-depth knowledge. The information technologies making the humanitarian's work much easier decrease the cost of results. It is underlined that unlimited, negligent and fragment copying makes the massive of authors' texts, mainly of training and reference-encyclopedic character, into nobody's semi-finished product. The Internet destroys the culture of references to primary sources. Dissertation works are lawlessly scanned. Wikipedia is purposefully and methodically destroying the copyright positing itself as a collection of secondary, unoriginal and, for this reason, anonymous articles.

Key words: Internet; Wikipedia; destroying of copyright; humanitarian science' place in information market; crisis of humanitarian knowledge; impoverishment of modern general education; deprofessionalization of humanitarian science.

1. Чьи права охраняет авторское право? Авторское право регламентирует как моральные (неимущественные), так и финансовые отношения между автором и теми, кто тиражирует и распространяет копии его произведения. Моральное право (фр. *droit moral*) автора защищает его **имя** как создателя произведения, запрещает плагиат, охраняет авторский текст от искажений. Моральные права автора соблюдались издавна – согласно этическим (доюридическим) обычаям. Еще в античной культуре авторство рассматривалось как суверенное право автора создавать свое произведение